

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В ЛАТЫШСКИХ ПЕРЕВОДАХ

“Eugene Onegin” in Latvian Translations

Ивета Народовска

inaro@lu.lv

Латвийский Университет (Рига, Латвия)

Елена Козинда

kiskise69@gmail.com

Латвийский Университет (Рига, Латвия)

Iveta Narodovska

inaro@lu.lv

University of Latvia (Riga, Latvia)

Jeļena Kozinda

kiskise69@gmail.com

University of Latvia (Riga, Latvia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 16.04.2024

Fecha de evaluación: 15.12.2024

Cuadernos de Rusística Española n° 20 (2024), 237 - 250

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена переводам «Евгения Онегина» на латышский язык. Всего имеются три полных перевода романа в стихах: во-первых, это вольный перевод, сделанный непрофессионалом, провинциальным учителем из Вентспилса Гербертом Дорбе в 1926 году; во-вторых, это перевод литераторов и переводчиков Яниса Плаудиса и Андрея Шмидре 1948 года; в-третьих, последний на данный момент перевод поэтессы Мирдзы Бендрупе, опубликованный в 1968 году. Авторы статьи изучают историю создания и культурно-исторический контекст переводов, а также обращаются к существующей литературной критике, рассматривающей переводы произведений Пушкина. Каждая из версий перевода имеет свои существенные недостатки: чрезмерная вольность первого, тяжеловесность и искусственность второго, дословность и излишняя простота языка третьего. Особое внимание в статье уделяется первому переводу романа, как не изученному и на сегодняшний день забытому варианту перевода. При фрагментарном анализе текста перевода Дорбе авторами статьи выявляется интерпретация оригинального текста, где основными принципами являются стремление к конкретизации и трансформации переводного текста в пользу национальной и религиозной картины мира. Подобный выбор типа перевода носит исключительно прагматический характер, где наблюдается стремление автора перевода трансформировать текст классической русской литературы для педагогических и дидактических нужд, в качестве правоучительного материала для изучения духовных, моральных и нравственных ценностей.

Ключевые слова: латышско-русские литературные контакты, художественный перевод, интерпретация, прагматика, Евгений Онегин, Пушкин

ABSTRACT

The article focuses on the translations of Eugene Onegin into Latvian. There are altogether three complete translations of this novel in verse: firstly, the free translation made by a writer and provincial educator from

Ventspils Herbert Dorbe in 1926; secondly, the 1948 translation by men of letters and translators Janis Plaudis and Andrejs Šmidre; and thirdly, the most recent translation by a poetess Mirdza Bendrupe published in 1968. The given article discusses the history as well as the cultural and historical context of these translations and refers to existing literary criticism on translations of Pushkin's works. Each of the existing translations has significant flaws: the first is very loose, the second artificial and stylistically cumbersome, the third too literal, with colloquial and casual language elements. Particular attention is paid to the first translation of the novel as the translation that has not been thoroughly researched and is overlooked today. The analysis of the selected excerpts of Dorbe's translation reveals the interpretation of the original text dominated by the pursuit of concretisation and transformation of the translated text in favour of a national and religious picture of the world. Such a choice of translation type is purely pragmatic and is driven by the intention of the translator to transform the text of classical Russian literature for pedagogical and didactic purposes, as moral material for the study of spiritual, moral, and ethical values.

Keywords: Latvian and Russian literature contacts, literary translation, interpretation, pragmatics, Eugene Onegin, Alexander Pushkin

История переводов на латышский язык романа в стихах «Евгений Онегин» началась еще в 1899 году, когда редактор одного из самых авторитетных периодических изданий того времени – *Mājas Viesa Mēnešraksts* – Петерис Залите поместил анонс о переводе «Евгения Онегина» без отсылки на имя автора. Предположительно, этим автором мог быть Янис Райнис – уже знаменитый и востребованный латышский поэт и переводчик, который в это время находился в политической ссылке в Слободском, где основным средством его выживания являлась литературная деятельность. В монографии, посвященной деятельности поэта в период ссылки, Антонс Биркетс (1961: 60) отмечает, что из переписки Райниса с его супругой поэтессой Аспазией следует, что главный редактор издания *Mājas Viesa Mēnešraksts* видит в качестве переводчика только гениального Райниса, и, даже в случае отказа, никогда не согласится на перевод «просто» талантливого Фрициса Адамовича – второго кандидата на перевод романа. 31 августа 1899 года Райнис дает свое согласие, но с условием, что перевод будет готов только через полтора года, так как в романе 6000 стихов, а ежедневно до полудня можно перевести не более 14 стихов. После долгих переговоров 3 марта 1900 года Райнис все же отказывается от перевода с самоотводом на Адамовича, который в итоге роман так и не перевел (Birkets 1961: 62–63). Здесь необходимо отметить, что какую бы причину отказа ни называл Райнис, данное произведение не могло представлять интерес для драматурга, автора переводов «Фауста» И. В. Гете и народной трагедии «Бориса Годунова» А. С. Пушкина. Согласно мнению Биркетса (1930: 190), все творчество Райниса пропитано этическими и философскими идеями: о душе, мире, жизни и смерти; вопросами о индивидуальности личности и национальном сознании; полноте духовной жизни; о борьбе и способности жертвовать своими силами за независимость, свободу и счастье во благо народа. Таким образом, даже в стесненных финансовых условиях ссылки, и позднее в эмиграции, Райнис отдает предпочтение не пушкинскому роману в стихах, а шекспировскому «Королю Лиру», «Песне о Соколе» М. Горького и с нетерпением ждёт заказа на перевод романа «Воскресение» Л. Н. Толстого (Birkets 1961: 60).

Первым за полный перевод «Евгения Онегина», уже в XX веке – в 1926 году, берется поэт и учитель из Вентспилса Герберт Дорбе. В 1929 году в издательстве

Tautas bibliotēka выходит полный перевод романа (Puškins 1929). Согласно виртуальному архиву Пушкинского дома, можно достоверно установить, что Дорбе осуществляет перевод с оригинала, изданного не позднее 1833 года (Пушкин 1833), поскольку в переводе отсутствует посвящение П. А. Плетневу, которое впервые появляется только в прижизненном третьем издании (вышло в печать не позднее 1 января 1837 года) и уже встречается в издании 1837 года (Пушкин 1837). Также в переводе присутствуют отдельные публикации, которые в романе по воле автора были заменены многоточиями, например, с 1 по 4 строфу IV главы, отдельно опубликованные в 1827 году в 20 номере «Московского вестника» под названием «Женщины. Отрывок из Евгения Онегина» (Пушкин 1827: 365—367). В ходе сопоставительного анализа текстов перевода и оригинала было выявлено, что источником для перевода послужило многотомное издание «Просвещение» под редакцией П. О. Морозова (Пушкин 1904). В данном издании присутствуют многочисленные редакторские правки, в том числе, все пропущенные Пушкиным строфы, что полностью соответствует переводному тексту. Перевод Дорбе вторично переиздавался в 1936 году в сборнике *A. S. Puškina raksti*, приуроченном к 100-летию со дня смерти русского классика. Примечательно, что в предисловии, автором которого являлся Дорбе, подчеркивается значимость данного издания: помимо ранее опубликованных немногочисленных, еще в старой орфографии, переводов произведений Пушкина, выполненных к 100-летию со дня рождения поэта Адамовичем и Райнисом, в сборник 1936 года вошли и другие, в том числе новые переводы. Таким образом, в собрание сочинений были включены все существующие переводные тексты Пушкина, осуществленные латышскими поэтами и писателями с 1877 года по конец 40-х годов XX века. Согласно мнению Дорбе, именно временная амплитуда создания переводов придает сборнику дополнительное литературно-историческое значение. С одной стороны, автор предисловия акцентирует внимание читателей на переводах объемных произведений, таких как трагедия «Борис Годунов», роман в стихах «Евгений Онегин», поэма «Полтава», но более значимым является тот факт, что за последние несколько лет отмечается не только осязаемое пополнение переводов лирических произведений, но и появление критико-биографических работ о Пушкине, в виде романов и монографий, что является свидетельством возрастающего интереса латышских авторов к творчеству русского поэта (Dorbe 1936: 6–7). Литературовед, критик, писатель и переводчик Андрейс Упитс считал, что первый полный перевод «Евгения Онегина» являлся пробой и не был лишен недостатков, несмотря на это он представляет культурно-историческую ценность (Urīts 1952: 673).

Следующий перевод романа в стихах «Евгений Онегин» приурочен к 150-летию со дня рождения Пушкина. Данный перевод выполнен Янисом Плаудисом и Андреем Шмидре в рамках государственного заказа и был опубликован в 1948 году в виде отдельного издания (Puškins 1948). В отличие от издания 1929 года и сборника 1936 года, где переводчиком «Евгения Онегина» и редактором являлся Дорбе, у перевода 1948 года были независимые редакторы, такие как переводчица, журналистка Мария Шумане и поэт, переводчик Андрейс Балодис. Здесь можно отметить, что на момент публикации опыт перевода произведений Пушкина имелся только у Плаудиса, в частности, перевод поэмы «Медный всадник», опубликованный в 1936

году (Puškins 1936: 213—225). В свою очередь русская поэзия в переводах Шмидре, Шумане и Балодиса появляется только в советское время. Предисловие к изданию 1948 года поэта и переводчика Яниса Судрабкална отличается идеологической направленностью советского времени, но более важным в данном случае является то, что, согласно мнению автора предисловия, хороших переводов романа в стихах на латышский язык еще не было. Из чего следует, что из истории латышского литературоведения был исключен перевод, выполненный Дорбе. Таким образом издание 1948 года провозглашается первым полным переводом «Евгения Онегина» (Sudrabkalns 1948: 8). Спустя 12 лет, в 1960 году, данный перевод переиздается в другом формате – в виде отдельной книги с новыми иллюстрациями, при этом каждая строфа здесь помещается на отдельной странице (Puškins 1960).

Последний перевод романа в стихах появляется в издании собрания сочинений *Aleksandrs Puškins. Kopoti raksti piecos sējumos* (1967–1970) в 1968 году. Редактором издания является переводчик и драматург Юлиис Ванагс, а составителем и автором послесловия – критик, поэт и филолог Язепс Османис. Именно в этом 5-томном издании впервые появляются дополнительные материалы на латышском языке, связанные с творчеством и жизнью Пушкина, а также всесторонний критический обзор истории латышских переводов, включающий библиографический список всех когда-либо опубликованных в латышских изданиях переводов и критических статей о русском поэте (Puškins 1970: 576–766). В критическом обзоре Османиса переводу Дорбе практически не уделяется внимание, за исключением, как уже было отмечено выше, его культурно-историческому значению. Однако и перевод Плаудиса и Шмидре подвергается определенной критике, где главным недостатком выступает тяжеловесность пушкинской строфы, а также отсутствие гармонии и искусственность выражений (Osmanis 1970: 612). Таким образом, критиком подчеркивается необходимость в создании нового перевода, который осуществила переводчица и поэтесса Мирдза Бендрупе (Puškins 1968: 391–613). Интересным представляется тот факт, что выпуск данного перевода в 1974 году в виде отдельного издания на сегодняшний день является последним (Puškins 1974). Здесь следует отметить, что Бендрупе, работая над переводом, уже довольно продолжительное время жила вне Латвии – в Коктебеле, что также могло отразиться на переводе. Так, при фрагментарном сравнительном анализе, на фоне «тяжеловесной строфы» Плаудиса и Шмидре, выявляются признаки калькирования, т. е. дословного перевода, и упрощение оригинального текста в ущерб латышской языковой картине мира.

Следует также отметить отсутствие конструктивной и аргументированной критики латышских переводов «Евгения Онегина», что не позволяет в полной мере объективно оценить ни качество, ни его ценность. При этом латышская критика частотно обращается к переводам лирических произведений Пушкина, так, переводы Шмидре или Плаудиса подвергаются со стороны Османиса довольно резкой критике. Автор статьи утверждает, что Шмидре чаще не переводит, а «фантазируя» сочиняет собственный текст, что приводит к серьезному искажению оригинала (Osmanis 1961: 121). Переводы Плаудиса, за исключением некоторых нюансов, оцениваются критиком, как смелые, но главным недостатком многих работ являются: использование современной свободной ритмики и рифмы; нарушения грамматической нормы; лексическое своеобразие, а также насыщение пушкинских

текстов идеологическими установками XX века (Osmanis 1961: 119). Таким образом критические замечания Османиса, описанные выше, частично можно отнести и к переводу «Евгения Онегина» 1948 года. Также, с точки зрения критика, все переводы лирики Пушкина, которые были выполнены, начиная с первых переводов младолатыша Юриса Алуанса, по разным причинам, за исключением некоторых авторов, в итоге не обладали достаточной художественной ценностью. При этом, в качестве негативных примеров выступают переводчики не только XIX века, но и 30-х годов XX столетия, в частности, Фрицис Дзиезма (псевдоним Фр. Селга), Дорбе и другие. При этом, молодой автор, которому на момент написания данной критической статьи было 29 лет, проявляет особое внимание к художественным переводам Карлиса Крузы, считая многие его работы эталоном для перевода поэзии Пушкина (Osmanis 1961: 117). Здесь следует отметить, что большинство критиков, такие как Петерис Тикутс, Юлийс Розе, Янис Судрабкалнс и многие другие разделяли мнение Османиса (1970: 599–600), что указывает на объективность его критической оценки. Следовательно, ввиду отсутствия подобной оценки по отношению к переводам «Евгения Онегина» сделать какие-либо выводы о качестве или художественной ценности переводов можно исключительно посредством исследования переводного текста в соответствии с теоретическими и практическими методологиями.

В первую очередь следует отметить, что самым непривлекательным с точки зрения исследователя является перевод Бендрупе, который представляет собой буквальный перевод, где наблюдается не только упрощение переводного текста и, как следствие его языка, но и потеря статуса «художественного перевода». То есть, язык перевода не соответствует литературному и зачастую даже разговорному латышскому языку. Для понимания данной проблемы можно сравнить один и тот же стих: «Не говорим уж о стихах» (II глава XXIV строфа 11) в переводах разных авторов: *No iedomības šķirties žēl*, (Жаль разлучаться с высокомерием) у Дорбе (Puškins 1929), *Par dzejas vārsmām nebilstot* (О поэтических строфах безмолвствуя (не говоря)) у Плаудиса и Шмидре (Puškins 1948) и *Par dzeju vispār klusēsīm* (О стихах вовсе помолчим) в переводе Бендрупе (Puškins 1968). Таким образом, Дорбе игнорирует содержание стиха, так как следует принципу «намеренной свободы» при трансляции иллокутивной цели, которая эксплицирована в дальнейшем тексте. В свою очередь Бендрупе переводит буквально и с налетом просторечия, а в переводе Плаудиса и Шмидре используется высокая лексика, свойственная латышскому поэтическому языку.

Особенности всех трех переводов связаны как со временем их создания, так и с их авторами. Создатель первого перевода – Дорбе, придерживается лексики писателей-переводчиков конца XIX века, произведения которых побудили провинциального автора к собственной творческой деятельности. В свою очередь Плаудис и Шмидре являются представителями оригинальной, классической латышской литературы, чем, в значительной мере, объясняется их стремление к созданию текста перевода, соответствующего высоким стандартам латышского поэтического языка. Однако в третьем переводе уже наблюдаются изменения, связанные с влиянием русского языка в условиях всеобщей русификации, свойственной советскому периоду. Так, в совместном переводе Бендрупе и Владимира Кайякса стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» в 1967 году наблюдается схожая тенденция – дословный

перевод (калькирование), где «нерукотворный» трансформируется в *ne rokām kaltu* (не руками выкованный) (Puškins 1967). При отсутствии соответствующего эквивалента в латышском языке авторы перевода заменяют части речи – прилагательное на причастие *kalts*, т. е. происходит трансформация конкретизации. Однако применение метода калькирования приводит к буквализму, что плохо отражается на качестве художественного перевода. Ср.: подобная тенденция отсутствует в более раннем переводе 1954 года Андрея Балодиса *Es esmu uzcēlis sev pieminekli staltu* (Я поставил себе памятник величавый) (Puškins 1954), в котором наблюдается трансформация смыслового развития и в полной мере передается поэтичность языка оригинала. Однако нельзя исключить, что калькирование и упрощение Бендрупе использует для передачи еще нового в первой половине XIX века для русской литературы и поэзии легкого, разговорно-поэтического языка Пушкина. Поэтому перевод Бендрупе может представлять интерес в лингвистическом аспекте: как с точки зрения диахронической лингвистики, т. е. сопоставление временных срезов развития литературного языка; так и в рамках проблемы двуязычия в условиях советской Латвии, а также с точки зрения сопоставительного анализа лексики на предмет стилового разнообразия языка «Евгения Онегина». В этой связи можно обратиться к монографии Е. А. Маймина «Пушкин. Жизнь и творчество» (1982), в которой исследователь не только объясняет легкость и простоту пушкинского языка, но и подкрепляет свои наблюдения оценками современников Пушкина: «В стихах возможна большая непринужденность речи, невыверенность слова, элемент стихийности и неожиданности в нем. В стихах оказывается возможным и допустимым неточное слово, способное, зато сохранить то, что Пушкин особенно ценил, – «живой, теплый, внезапный отпечаток мыслей, чувств, впечатлений»» (Маймин 1982: 134). Следовательно, то, что понимается под простотой языка «Евгения Онегина» XIX века, несомненно отличается от калькированного, практически дословного перевода Бендрупе. Отдельного изучения заслуживает перевод 1948 года – анализ лексики и синтаксических конструкций может выявить особенности национальной языковой картины мира под влиянием *чужих/других* идеологических установок.

На наш взгляд, наибольший интерес в рамках исследования латышско-русских литературных контактов представляет первый полный перевод «Евгения Онегина», что определяется множеством факторов. Во-первых, это единственный полный перевод, выполненный в период первой независимости Латвии. Во-вторых, автором перевода является провинциальный поэт, драматург и учитель, что может раскрыть не только причины востребованности в другом переводе, но и посредством сопоставительного анализа выявить особенности и степень эквивалентности переводного текста с учетом картины мира и биографии переводчика. Одним из важных моментов биографии переводчика является его особое отношение к музыке, которое сформировалось еще в детстве, благодаря старшему брату – народному учителю Фрицису Дорбе. Врожденный музыкальный слух, регулярное домашнее музицирование с братом, хорошее владение игрой на фортепиано и скрипке, позволяло Дорбе практиковать и в качестве учителя пения, а также быть организатором и руководителем хоровых коллективов (Dorbe 1979: 147–148). Поэтому уже в 1913 году он для нужд хора мог использовать первый латышский перевод либретто оперы «Евгений Онегин», автором которого являлась оперная певица, исполнительница партии Ольги –

Паула Лиците (Kārklīš 1964: 167). Здесь следует отметить также особый интерес Дорбе к автору музыки – П. И. Чайковскому, что подтверждается его переводом опубликованного в Берлине романа русской эмигрантки Нины Берберовой «Чайковский. История одинокой жизни» (1936) – латышское название *Čaikovskis* (Berberova 1937). В 1912 году, в Риге, Дорбе проваливает экзамен по русскому языку, который являлся обязательным в программе образования на всей территории Российской империи, так и не получив диплом народного учителя. Данный пробел в знаниях русского языка будущий переводчик восполнит в 1915 году, когда его семья эмигрирует из Вентспилса в Россию в статусе беженцев, где Дорбе работает корректором русских текстов (Dorbe 1979: 148). Еще одним важным моментом биографии периода эмиграции являются сохранившиеся в архиве оригинальные сонеты, написанные поэтом в 1916–1917 гг. (Jaunmuktāne 1994: 192–193). В начале 20-х годов, вернувшись в Латвию, Дорбе получает соответствующий диплом и работает учителем латышского языка, литературы и пения. Таким образом, даже не касаясь переводного текста, можно утверждать, что вышеупомянутые факты биографии указывают на практическое знание обоих языков и культур, интерес к литературе, музыке и сочинительству, что представляется важным при создании поэтического перевода. Необходимо отметить, что в переводе прослеживается точное воспроизведение пушкинского четырехстопного ямба – в качестве примера обратимся к переводу I главы V строфы 1–4: *Mēs kādreiz mācījušies esam / It visu pasaulē kaut kā, / Un šinī ziņā krustu nesam – / Ikvienam sava Golgata* (Мы все учились когда-то / Всё на свете кое-как / И в этом смысле крест несем / У каждого своя Голгофа) (Puškina 1929), где трансляция первых двух строк передает семантику и синтаксическую структуру оригинала, однако две последние строки изменяются и не соответствуют оригиналу. Автор перевода использует устойчивое словосочетание «нести крест», которое получает смысловое развитие в следующей строке: «У каждого своя Голгофа». На подобную переводческую интерпретацию мог повлиять личный опыт переводчика, получившего образование в церковной приходской школе. Следовательно, даже при полной модификации, заложенного автором оригинала смысла, переводчик с точностью воспроизводит ритмику пушкинских стихов. В силу этого, точное следование ритму не могло являться причиной необходимости в другом переводе.

Однако, при фрагментарном исследовании перевода была выявлена основная и вполне обоснованная причина необходимости в создании нового перевода – дидактическая составляющая, что соответствует профессиональной деятельности переводчика. Таким образом, можно сделать предположение, что Дорбе использует оригинальный текст в прагматических целях, поэтому он мог руководствоваться критическими статьями или комментариями, раскрывающими нравственные и духовные смыслы произведения. Ф. М. Достоевский считал, что в романе «Евгений Онегин» поэт, с одной стороны, посредством главного героя диагностирует болезнь современного русского общества: «Он отметил и выпукло поставил перед нами отрицательный тип наш, человека беспокоящегося и не примиряющегося, в родную почву и в родные силы ее не верующего, Россию и себя самого (то есть свое же общество, свой же интеллигентный слой, возникший над родной почвой нашей) в конце концов отрицающего, делать с другими не желающего и искренно

страдающего» (Достоевский 1880: 1–2). С другой же стороны, Пушкин «...дал и утешение <...> великую надежду, что болезнь эта не смертельна и что русское общество может быть излечено, может вновь обновиться и воскреснуть, если присоединится к правде народной <...> Свидетельствуют о том типы Татьяны, женщины совершенно русской, уберегшей себя от наносной лжи...» (Достоевский 1880: 2). Если Достоевскому пришлось прибегнуть к разъяснению истинных целей произведения русского поэта, то переводчик вводит непосредственно в переводной текст скрытое, дидактическое содержание. Дорбе, как педагог, не мог не понимать всю важность дидактического материала, который можно было использовать в рамках учебной программы, например, посредством уроков литературы передавать духовные и культурные знания, которые в 20-х годах XX столетия постепенно теряли свою ценность. Также в рамках достижения прагматической цели автор перевода использует прием конкретизации – в некоторых строфах переводчик трансформирует местоимение «я» или имя существительное «поэт» в антропоним *Puškins: Lūk, dzejnieks Puškins bij ko vērts!* (Puškins 1929) – «то-то (Пушкин) был поэт!» (II глава XL строфа 8) (Пушкин 1904). Таким образом переводной текст интерпретируется, во-первых, в пользу авторства русского классика, как непререкаемого авторитета, и, во-вторых, ввиду явной дидактической направленности произведения.

Следует обратить внимание и на преобладающий в картине мира провинциального переводчика-учителя религиозный инструментарий, использованный для создания антитезы высоко нравственного образа Татьяны на фоне главного героя – Евгения, лишенного какой-либо нравственной основы, как в воспитании, так и в образе жизни. Стихи «Как *dandy* лондонский одет / И наконец увидел свет» (I глава. IV строфа. 7–8) (Пушкин 1904), в интерпретации переводчика носят религиозный контекст. В 7 стихе: *Viņš iziet Dieva pasaulē* (Он вышел в Божий мир) (Puškins 1929), происходит полная трансформация оригинального текста, т. е. изменение среды, где вместо светского общества переводчик использует устойчивое словосочетание «Божий мир», который необходим для гиперболизации безнравственного поведения Евгения. При этом изменение в 8 стихе: «Острижен по последней моде» (Пушкин 1904), указывает на то, что переводчик полностью игнорирует внешнее описание героя в пользу его внутренних характеристик: *Ar tūkstoš dziņām dvēselē* (Гонимый тысяча желаньями в душе) (Puškins 1929). Религиозная лексика используется переводчиком по отношению к герою даже в самых неожиданных моментах. Так, оригинальный текст: «что занимало целый день» (I глава VIII строфа 7) (Пушкин 1904), трансформируется в *Kam laiku upurēja tas* (чему он время жертвовал) (Puškins 1929). Таким образом, автор перевода праздное времяпрепровождение героя трактует как бессмысленное, т. е. Евгений приносил в жертву время, которое мог потратить на что-то дельное. При этом, в контексте перевода, герой не является жертвой страстей и заблуждений, – в силу отсутствия соответствующего нравственного воспитания, он сознательно потакает своим прихотям. IV глава IX строфа 1–4 переводится следующим образом: *Viņš dziļi kritis apgrēcībā / Vēl agrā jaunībā, cik var.* (Он глубоко пал в грехопадение, / Еще в ранней молодости, насколько мог) (Puškins 1929).

Следует отметить, что тенденция ориентации на социокультурную ситуацию, посредством активного введения религиозной и дидактической составляющих,

свойственна латышским переводам конца XIX века, что выявлено Народовской и Барышниковой (2020: 30–35) в научной статье, посвященной переводу 1880 года повести И. Тургенева «Степной король Лир». Религиозная составляющая также наблюдается при описании образа Татьяны, но в совокупности с народными традициями – обратимся к переводу II главы XXVI строфы 10–14: *Tā senu laiku atziņa / Ka paklausīga meitiņa / Pēc priekšrakstiem, kur valda stiba, / Pret māti zemu galvu liec, / Ja viņa patācības sniedz.* (Это опыт старины / Когда послушная дочь / По предписанию, где правит прут / Низко голову перед матерью склоняет, / Если она дает поучения) (Puškins 1929). Здесь автор трансформирует текст в соответствии с народно-религиозным воспитанием XIX века, он осуществляет перенос характеристики куклы (в оригинальном тексте) на ребенка. Переводчик использует отсылку к основам религиозного воспитания: *Pēc priekšrakstiem, kur valda stiba* (По предписанию, где правит прут), ср. с Библией: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его» (1973: 860). Также в духе народной традиции трансформируются последние два стиха строфы. Интерпретация переводчика является важной в тесной связи с финалом романа, где следование народной, традиционной, нравственной основе воспитания, позволяет главной героине одержать победу над пороком страсти. Таким образом, в переводе прослеживается установка на беспрекословное послушание матери – текст XVIII главы XLVII строфа 12–14: *Tik viena izeja man bija / To mātes dēļ es uzņemos / Un pielūdžējam solījos* (Единственный выход был у меня / Ради матери я обязалась / И поклоннику дала обещание) (Puškins 1929), в то время как в оригинале Татьяна сомневается в правильности своего поступка, лишь уступив слезам матери: «Неосторожно, / Быть может, поступила я: / Меня с слезами заклинаний / Молила мать» (Пушкин 1904). Следовательно, можно предположить, что в картине мира переводчика грехом обоих героев являлась страсть, которой, в отличие от Евгения, благодаря своему нравственному воспитанию, смогла противостоять и одержать победу только Татьяна.

Отдельным предметом исследования можно назвать эпистолярный роман, так как «Письмо Татьяны к Онегину» в переводе раскрывает внутренний мир героини, не имеющий ничего общего с пушкинской Татьяной. Прежде всего в интерпретации латышского переводчика в письме отражается экспрессивная самооценка поступка *Nu rakstu jums – ak, ko es daru?* (Пишу вам – ах, что я делаю?) (Puškins 1929), ср.: «Я к вам пишу – чего же боле?» (Пушкин 1904). В свою очередь словосочетание «несчастливая доля» трансформируется в религиозный контекст *iztvikušo garu* (истомлённый дух), а стих «То воля неба: я твоя» (Пушкин 1904) в интерпретации переводчика *Tik tavās rokās galvu likt* (только в твои руки голову класть) (Puškins 1929) указывает на покорность героини, что созвучно с народно-религиозной традицией, а также отсылает к романтическому образу Светланы В. А. Жуковского (1982: 153–159) в совокупности с религиозным контекстом. Переводчик меняет смысл сказанных Татьяной слов: *Man dzīve tagad šķiet kā ķīla / Kā aizpirkšanas upurs jauks* (Мне жизнь сейчас представляется залогом / Как приятная жертва искушения) (Puškins 1929: 32–35), так как здесь появляется иллюзорность, выраженная посредством введенного безличного глагола *šķiet* (кажется), вместо «была». К тому же религиозный контекст значительно искажает авторский замысел, где Татьяна

воспринимает встречу с Онегиным, не только как божественный знак, но и как возможность пожертвовать свою жизнь во имя вечной любви, которая даже после смерти будет вызывать из могилы к любимому. Или, в отличие от оригинального текста, в переводе прослеживаются контекстуальные трансформации в пользу религиозно-народного содержания: *Vai esi labais gars mans – saki! – / Vai sātans, kuram tumsi taki?* (Иль ты мой добрый дух – скажи! / Иль сатана, и его пути темны?) (Puškina 1929: 58–59). Если словосочетание *labais gars* (добрый дух) указывает на язычество, т. е. народные поверия, то *sātans* (сатана) – относится к заимствованию, которое использовалось в библейских текстах, а в народной латышской мифологии употреблялись такие лексемы, как *velns*, *ļauņais* (черт, зло). При сравнении следующих стихов из «Письма Татьяны к Онегину»: «Вообрази: я здесь одна / Никто меня не понимает / Рассудок мой изнемогает, / И молча гибнуть я должна.» (Пушкин 1904: 68–71) становится очевидным, что Татьяна в переводном тексте не обращается к Евгению при помощи побудительного глагола «вообрази», а просто описывает свое душевное состояние: *Nav panesama vienatne, / Es dzīvoju kā putns krātā, / Man bail, ka nesajūku prātā, / Pirms sadeg mana dvēsele* (Непереносимо одиночество / Я живу, как птица в неволе / Мне страшно, не сойти бы с ума / До того, как сгорит моя душа) (Puškina 1929: 68–71). Также текст письма насыщен лексемами с негативной семантикой, такой как *nelaimīga*, *nelaimi*, *sāpes*, *sodi*, *nolādi*, *ļauņi*, *slimo dvēseli* (несчастливая, несчастье, боль, накажи, прокляни, злой, больную душу), что, во-первых, подчеркивает эмоциональную напряженность Татьяны в предчувствие беды, а, во-вторых, полностью соответствует картине мира религиозного человека, для которого страдание является средством очищения от грехов.

В тексте перевода прослеживается и влияние личности автора на перевод, что проявляется в отражении мыслей автора-беженца и автора-учителя. Так, стих «*Monsieur* прогнали со двора» (I глава IV строфа 4) (Пушкин 1904) в интерпретации переводчика приобретает совершенно иной смысл: *Monsieur'am vilka pasi dod* (*Monsieur* волчий паспорт дали) (Puškina 1929). Используя устойчивое словосочетание *vilka pasi dod* (Бауга, Иостсоне, Тюрина 1974: 105), автор перевода дополнительно указывает на преклонный возраст гувернера, дальнейшее устройство на работу которого практически невозможно. Скорее всего Дорбе пытается представить некий собирательный образ гувернера, который может быть навеян и другим классиком русской литературы – Л. Н. Толстым, речь идет о Карле Ивановиче: «– Я двенадцать лет живу в этом доме и могу сказать перед Богом, Николай, — продолжал Карл Иванович, поднимая глаза и табакерку к потолку, – что я их любил и занимался ими больше, чем ежели бы это были мои собственные дети. <...> – Да, теперь я не нужен стал, меня и надо прогнать; а где обещания? где благодарность?» (Толстой 1953: 17–18). Таким образом, переводчик конкретизирует ситуацию, связанную, как с положением изгнанника, учителя, так и стереотипное отношение к гувернерам в Российской империи XIX века.

Особенностью перевода также является стремление автора к конкретизации и прозрачности переводного текста, что может являться следствием профессиональной деформации, где главной задачей представляется не эквивалентный перевод, а досказанность и ясность, что полностью противоречит авторскому замыслу. Например, реальный прототип друга поэта (Каверин): *Второй Чадаев, мой Евгений* (I глава

XXV строфа 5) (Пушкин 1837), а в издании «Просвещение», с которого переводил Дорбе – *Каверин* (Пушкин 1904: 40), замещается Дон-Жуаном, так как этот образ не требует дополнительных разъяснений: *Turklāt liels Don-Žuāns un frants* (К тому же большой Дон-Жуан и фронт) (I глава XXV строфа 8) (Puškina 1929), что в совокупности представляет знакомый латышскому читателю персонаж, передающий внешнюю и внутреннюю характеристику главного героя. При этом одним из самых явных показателей использования стратегии конкретизации и прозрачности текста являются вышеупомянутые переводы практически всех отсутствующих, умышленно пропущенных Пушкиным строф, как ранее отдельно опубликованных, так и черновых рукописей. Ср.: «Пропуск двух строф в окончательном тексте отмечал границу между частью, посвященной характеристике героя (строфы I–XII), и описанием его дня (XV–XXXVI)» (Лотман 1983: 138).

Следовательно, переводчик не стремится к точному, эквивалентному переводу, а руководствуется критическими и публицистическими материалами, раскрывающими основные нравственные и духовные цели оригинального текста. Дорбе, не являясь практикующим или профессиональным переводчиком, использует роман в стихах «Евгений Онегин» с единственной целью – передачи следующему поколению, в частности своим ученикам, знаний о незыблемых нравственных законах, нарушение которых чревато болезнью или гибелью души. Появление нового перевода 1948 года оправдано, как с точки зрения чрезмерной вольности предыдущего, так и его религиозного контекста, противоречащего советской идеологии. В свою очередь тяжеловесность и искусственность первого советского перевода, создала необходимость в более легком варианте перевода 1968 года. Отсутствие исследований и критики переводных текстов романа «Евгений Онегин» не позволяет вынести адекватную оценку качества и художественной ценности имеющихся переводов. Однако, на основании имеющегося материала, можно сделать вывод о том, что все три вышеупомянутые версии переводов пушкинского произведения имеют серьезные недостатки. Несмотря на существующий в культурном пространстве современной Латвии интерес к роману, о чем свидетельствуют недавние постановки на сценах латышских театров: *Oņegins. Komentāri* в Новом Рижском театре в 2012 году, мюзикл *Oņegins* в театре Дайлес в 2013 году; новых переводов и новых переизданий имеющихся переводов романа на данный момент нет.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. БАУГА, А, ИОСТСОНЕ, А., ТЮРИНА, Л. (1974): *Русско-латышский фразеологический словарь*. Т. I. Рига: Лиесма, С. 105.
2. БЕРБЕРОВА, Н. (1936): *Чайковский*. История одинокой жизни. Берлин: Петрополис.
3. БИБЛИЯ (1973): *Притчи Соломона*. Глава 13. Стих 25. Брюссель: Жизнь с Богом, С. 860
4. ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. (1880): *Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине*. Дневник писателя. Санкт-Петербург: Типография братьев Пантелеевых, С. 1—2.

5. ЖУКОВСКИЙ, В. (1982): *Светлана. Избранные сочинения*. Москва: Художественная литература, С. 153–159.
6. ЛОТМАН, Ю. (1983): Глава вторая. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». *Комментарий*. Пособие для учителя. Ленинград: Просвещение, С. 138.
7. МАЙМИН, Е. (1982): *А. Пушкин. Жизнь и творчество*. Москва: Наука, С. 39, 159.
8. НАРОДОВСКА, И., Барышникова, Т. (2020): *Мотив наказания в повести и Тургенева «Степной король Лир»: аспект литературного перевода на латышский язык. Kultūras studijas. Zinātnisko rakstu krājums. XII. Noziegums un sods literatūra un kultūrā*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes akadēmiskais apgāds «Saule», С. 30–35.
9. ПУШКИН, А. (1827): *Женщины. Отрывок из «Евгения Онегина»* [Гл. IV, строфы I–IV]. *Московский вестник*. №20. С. 365–367.
10. ПУШКИН, А. (1833): *Евгений Онегин*, роман в стихах. *Сочинение Александра Пушкина*. Санкт-Петербург: Типография Александра Смирдина.
11. ПУШКИН, А. (1837): *Евгений Онегин*, роман в стихах. *Сочинение Александра Пушкина*. Санкт-Петербург: Тип. Экспедиции заготовления Государственных бумаг.
12. ПУШКИН, А. (1904): *Евгений Онегин. Сочинения и письма А. С. Пушкина*. Под редакцией П.О. Морозова. Том 4. Санкт-Петербург: Просвещение, С. 40.
13. ТОЛСТОЙ, Л. (1953). *Детство. Детство. Отрочество. Юность*. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, С. 17–18.
14. BERBEROVA, N. (1937): *Čaikovskis*. Rīga: Grāmatu draugs.
15. BIRKERTS, A. (1930): *Dzīvī un darbā. J. Rainis. Monogrāfija*. Rīga: Ā. Raņča grāmatu tirgotavas apgādībā, 190. lpp.
16. BIRKERTS, A. (1961): *Tulkojumi. J. Rainis Slobodskas trimdā*. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība, 60.–63. lpp.
17. DORBE, H. (1979): *Gaitas un gadi. Karogs. Nr. 2*. 147.—148. lpp.
18. JAUNMUKTĀNE, G. (1994): Latvijas akadēmijas bibliotēka. *Varavīksne. Literārā mantojumu gadagrāmata*. Rīga: Preces nams, 192.—193. lpp.
19. KĀRKLIŅŠ J. (1964): Latviešu operas pirmsākumi. *Latviešu mūzika. Raksti par mūziku III*. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība, 167. lpp.
20. OSMANIS J. (1961): Daži vērojumi Puškina lirikas atdzejojumos // *Karogs. Nr. 4*. 117.–121. lpp.
21. OSMANIS J. (1970): Pirmā iepazīšanas. Bibliogrāfija. *Aleksandrs Puškins. Kopoti raksti*. 5.sēj. Rīga: Liesma, 599. – 612. lpp.
22. PUŠKINS, A. (1929): *Jevgeņijs Oņegins. Dziesmu romāns*. Rīga: Tautas bibliotēka, 5., 7., 16., 47., 54., 71. 74., 84. lpp.
23. PUŠKINS, A. (1936): *Raksti*. Rīga: Grāmatu draugs, 6–7., 213.—225. lpp.
24. PUŠKINS, A. (1948): *Jevgeņijs Oņegins. Romāns vārsnās*. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība.
25. PUŠKINS, A. (1954): *Lirika*. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība.
26. PUŠKINS, A. (1960): *Jevgeņijs Oņegins. Romāns vārsnās*. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība.
27. PUŠKINS, A. (1967-1970): *Kopoti raksti piecos sējumos*. Rīga: Liesma.
28. PUŠKINS, A. (1967): *Lirika. Kopoti raksti piecos sējumos*. 2. sēj. Rīga: Liesma.

29. PUŠKINS, A. (1968): Jevgenijs Oņegins. *Kopoti raksti*. 4.sēj. Rīga: Liesma, 391.—613. lpp.
30. PUŠKINS, A. (1970): *Kopoti raksti*. 5.sēj. Rīga: Liesma, 576.—766. lpp.
31. PUŠKINS, A. (1974): *Jevgeņijs Oņegins. Romāns dzejā*. Rīga: Liesma.
32. SUDRABKALNS, J. (1948): Priekšvārds. *Aleksandrs Puškins. Jevgeņijs Oņegins. Romāns vārsnās*. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība, 8. lpp.
33. UPĪTS, A. (1952): *A. S. Puškins un latviešu literatūra*. *Kopoti raksti*. XX sēj. Rīga: LVI, 673. lpp.

BIBLIOGRAPHY

1. BAUGA, A, IOSTSONE, A., TYURINA, L. (1974): *Russko-latyshskij frazeologicheski slovar*: T. I. Rīga: Liesma, S. 105.
2. BERBEROVA, N. (1936): *Čajkovskij*. *Istoriya odinokoj zhizni*. Berlin: Petropolis.
3. BERBEROVA, N. (1937): *Čaikovskis*. Rīga: Grāmatu draugs.
4. *Biblija* (1973): Pritchī Solomona. Glava 13. Stih 25. Bryussel: Zhizn s Bogom, S. 860
5. BIRKERTS, A. (1930): Dzīvē un darbā. *J. Rainis. Monogrāfija*. Rīga: Ā. Raņķa grāmatu tirgotavas apgādībā, 190. lpp.
6. BIRKERTS, A. (1961): Tulkojumi. *J. Rainis Slobodskas trimdā*. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība, 60.–63. lpp.
7. DORBE, H. (1979): Gaitas un gadi. *Karogs*. Nr. 2. 147.—148. lpp.
8. DOSTOEVSKIJ, F. (1880): Obyasnitelnoe slovo po povodu pechataemoj nizhe rechi o Pushkine. *Dnevnik pisatelya*. Sankt-Peterburg: Tipografiya bratev Panteleevyh, S.1—2.
9. JAUNMUKTĀNE, G. (1994): Latvijas akadēmijas bibliotēka. *Varavīksne. Literārā mantojumu gadagrāmata*. Rīga: Preces nams, 192.—193. lpp.
10. KĀRKLIŅŠ J. (1964): Latviešu operas pirmsākumi. *Latviešu mūzika. Raksti par mūziku III*. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība, 167. lpp.
11. LOTMAN, Y. (1983): Glava vtoraya. *Roman A. S. Pushkina “Evgenij Onegin”*. *Komentarij*. Posobie dlya uchitelya. Leningrad: Prosveshenie, S. 138.
12. MAJMIN, E. (1982): *A. Pushkin. Zhizn i tvorchestvo*. Moskva: Nauka, 39, 159.
13. NARODOVSKA, I., BARYSHNIKOVA, T. (2020): Motiv nakazaniya v povesti i. Turgeneva «Stepnoj korol Lir»: aspekt literaturnogo perevoda na latyshskij yazyk. *Kultūras studijas. Zinātnisko rakstu krājums. XII. Noziegums un sods literatūra un kultūrā*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes akadēmiskais apgāds «Saule», S. 30—35.
14. OSMANIS J. (1961): Daži vērojumi Puškina lirikas atdzejojumos // *Karogs*. Nr. 4. 117.—121. lpp.
15. OSMANIS J. (1970): Pirmā iepazīšanas. Bibliogrāfija. *Aleksandrs Puškins. Kopoti raksti*. 5.sēj. Rīga: Liesma, 599. – 612. lpp.
16. PUSHKIN, A. (1827): Zhenshiny. Otryvok iz «Evgeniya Onegina» [Gl. IV, strofy I—IV]. *Moskovskij vestnik*. №20. S. 365—367.
17. PUSHKIN, A. (1833): *Evgenij Onegin*, roman v stihah. *Sochinenie Aleksandra Pushkina*. Sankt-Peterburg: Tipografiya Aleksandra Smirdina.
18. PUSHKIN, A. (1837): *Evgenij Onegin*, roman v stihah. *Sochinenie Aleksandra Pushkina*. Sankt-Peterburg: Tip. Ekspedicii zagotovleniya Gosudarstvennyh bumag.

19. PUSHKIN, A. (1904): *Evgenij Onegin. Sochineniya i pisma A. S. Pushkina*. Pod redakcij P. O. Morozova. Tom 4. Sankt-Peterburg: Prosveshenie, S. 40.
20. PUŠKINS, A. (1929): *Jevgeņijs Oņegins. Dziesmu romāns*. Rīga: Tautas bibliotēka, 5., 7., 16., 47., 54., 71. 74., 84. lpp.
21. PUŠKINS, A. (1936): *Raksti*. Rīga: Grāmatu draugs, 6–7., 213.—225. lpp.
22. PUŠKINS, A. (1948): *Jevgeņijs Oņegins. Romāns vārsmās*. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība.
23. PUŠKINS, A. (1954): *Lirika*. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība.
24. PUŠKINS, A. (1960): *Jevgeņijs Oņegins. Romāns vārsmās*. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība.
25. PUŠKINS, A. (1967-1970): *Kopoti raksti piecos sējumos*. Rīga: Liesma.
26. PUŠKINS, A. (1967): *Lirika. Kopoti raksti piecos sējumos*. 2. sēj. Rīga: Liesma.
27. PUŠKINS, A. (1968): *Jevgeņijs Oņegins. Kopoti raksti*. 4.sēj. Rīga: Liesma, 391.—613. lpp.
28. PUŠKINS, A. (1970): *Kopoti raksti*. 5.sēj. Rīga: Liesma, 576.—766. lpp.
29. PUŠKINS, A. (1974): *Jevgeņijs Oņegins. Romāns dzejā*. Rīga: Liesma.
30. SUDRABKALNS, J. (1948): Priekšvārds. *Aleksandrs Puškins. Jevgeņijs Oņegins. Romāns vārsmās*. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība, 8. lpp.
31. TOLSTOY, L. (1953). *Detstvo. Detstvo. Otrochestvo. Yunost'*. Novosibirsk: Novosibirskoye knizhnoye izdatel'stvo, S. 17—18.
32. UPĪTS, A. (1952): A. S. Puškins un latviešu literatūra. *Kopoti raksti*. XX sēj. Rīga: LVI, 673. lpp.
33. ZHUKOVSKIY, V. (1982): *Svetlana. Izbrannyye sochineniya*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, S. 153—159.